

Археологические вести

**22
(2016)**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ДОМСТИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АБХАЗСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ДРЕВНЕЙШИЕ ОЧАГИ ЗАРОЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ СКОТОВОДЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Д. А. Канделаки²

Аннотация. В статье рассматривается проблема зарождения скотоводства на территории Абхазского Причерноморья. Дается обзор ископаемой фауны, которая, по мнению автора, представляла собою потенциал для последующей доместикиции исходных диких видов и появления здесь домашних животных. Тем самым территория Абхазии могла явиться зоной, где шло зарождение скотоводства.

Annotation. This paper considers the problem of the origin of animal-breeding in the area of the Abkhazian Black Sea littoral. A review is presented of the fossil fauna which, in the opinion of the present author, was a potential for the domestication of the originally wild species and appearance of domestic animals here. Consequently, the territory of Abkhazia may have been a zone where animal husbandry was taking birth.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, домашние животные, доместикация, палеолит, мезолит, неолит, неолитическая революция, скотоводство, энеолит.

Keywords: Eastern Black Sea littoral, domesticated animals, domestication, Palaeolithic, Mesolithic, Neolithic, Neolithic revolution, animal breeding, Eneolithic.

В современной науке главными причинами зарождения производящей земледельческо-скотоводческой экономики, которую нередко именуют периодом неолитической революции, считают климатические изменения, происходившие с окончанием последнего ледникового периода, с завершением которого начинается новая геологическая эпоха голоцена. В целом наиболее жестко эти изменения ощущались в переходных субтропических климатических областях северного полушария, примыкавших к глобальному альпийскому горному поясу (Долуханов, 1978). Эти изменения негативно отразились не столько на сокращении количественного состава видов флоры и фауны, сколько на глобальном перераспределении ландшафтных зон.

Особенно остро они ощущались во внерефугиумных областях, ближайшей из которых следует считать территорию Ближнего Востока, где мы наблюдаем первые попытки формирования ближневосточной модели неолитической революции. Следует отметить, что истинные причины перехода к доместикации пока до конца не выяснены, так как подобные климатические изменения имели место на протяжении всей длительной истории человечества³. Но ближневосточный центр был не единственным, где шел процесс зарождения новой экономики. К таковому следует относить и территорию Восточного Причерноморья и Абхазского Причерноморья в частности, которая на протяжении всего плейстоцена оставалась крупным фауно-флористическим и климатическим рефугиумом и убежищем третичной и эндемичной флоры вообще (Куфтырева и др., 1961).

¹ Обзор зарождения земледелия на территории Абхазии автором представлен в одной из предыдущих его работ (см.: Канделаки, 2014а).

² Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44. Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук Абхазии им. Д. И. Гулиа. Отдел истории.

© Д. А. Канделаки, 2016

³ Разбор этой проблемы дан автором в докладе «Неолитическая революция: Восточнопричерноморский сценарий» на юбилейной конференции В. В. Бжания (Канделаки, 2014б).

Вероятно, различие климатических процессов на Ближнем Востоке и в Восточном Причерноморье диктовало разнообразные модели адаптации древнего общества. В отличие от ближневосточных центров древнее население Абхазского Причерноморья испытывало так называемый «неолитический стресс» в меньшей степени. Здесь отсутствовали резкие климатические колебания и не имел место кризис охотничьей фауны, так как сокращение видового состава носило незначительный характер. В то же время полностью остается неизменным видовой состав флоры, что способствовало несколько иному пути развития общества и ходу зарождения производящей экономики. Какая же модель неолитической революции могла иметь место на территории Абхазии? Для этого следует обратиться к материалам более раннего мезолитического периода. Здесь в Абхазии уже в начале мезолита отмечается увеличение доли ихтиофауны в рационе питания древних жителей, что вероятно обусловлено увеличением количественного и видового состава рыбы Черного моря и внутренних вод нашего региона⁴. Возможно, что началу перехода к первым навыкам земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке, в Восточном Причерноморье соответствовал первоначально процесс активного перехода сначала к рыболовству, а за тем и к рыболовству, что зафиксировано находками остатков костей рыб и инвентаря, связанного с рыболовством. Так, среди ихтиофаунистических остатков подавляющее число костей принадлежит черноморскому лососю (*Salmo trutta labrax*). Они встречаются в верхнепалеолитических и мезолитических слоях таких памятников, как Холодный грот, Ацинская пещера, Джампала и Ахштырская пещера (Соловьев, 1961; Церетели, 1991; Кушнарева, 1993; Любин, 1994; Барышни-

ков, 2012). Встречается лосось и в мустье Малой Воронцовской пещеры (Чистяков, 1986; Любин, 1989). Вероятно, высокая продуктивность рыболовства в некоторой степени не способствовала на первоначальном этапе процессу доместикиции⁵.

Одной из важнейших составляющих зарождения производящей экономики следует считать возникновение скотоводства или, лучше сказать, животноводства. Каково место Абхазии, да и всего Восточного Причерноморья в процессе доместикиции животных? Несомненно, все предпосылки к доместикиции животных в Абхазии лимитировались наличием исходных диких форм и кормовой базы, перспективных доместикатов, а самое главное – знанием древними охотниками динамики сезонности популяции и их ареальной плотности, экологической адаптативности и, разумеется, этологических, то есть поведенческих особенностей животных⁶. Учитывая наличие лесных массивов, здесь несомненно должен был идти процесс доместикиции животных, имевших большую численность и обитавших в горных и лесных зонах. Среди них подавляющее большинство и сейчас представлено копытными видами, такими как кабан или дикая свинья (*Sus scrofa atilla*); косуля кавказская (*Capreolus capreolus caucasicus*); косуля обыкновенная (*Capreolus capreolus capreolus*); европейский благородный

⁵ Ихтиофаунистические остатки на протяжении всей истории Закавказья и Восточного Причерноморья встречаются хронологически неравномерно. Так, их основной пик приходится либо на эпоху ашеля, либо на конец плейстоцена и начало голоцена, то есть имели место два основных пика использования рыбы в пищевом рационе. Скорее это как-то связано с климатическими колебаниями, совпадающими по времени с периодами межледниковых потеплений, способствовавших увеличению биомассы ихтиофауны. Возможно и три таких пика, включая и мустье (Любин, 1994).

⁶ Заслуживает внимание тот факт, что большую, если даже не основную роль в доместикиции сыграли этологические особенности животных. Учитывая объем статьи, автор оставляет в стороне имеющуюся обширную литературу и лишь отмечает свое согласие с выводами специалистов о том, что доместикиция животных шла не только по принципу «от человека к животному». Скорее всего, сами животные адаптировались к новой экологической нише, которая формировалась вокруг отдельных стоянок и поселений, где они, особенно хищники, находили постоянный стабильный источник пищи в виде пищевых – «кухонных» – отходов человека. Это была своего рода доместикиция «от животных к человеку». Животные сами постепенно сближались с человеком, все чаще располагаясь неподалеку от места его обитания. Вероятно, так произошло приручение волков и их последующая доместикиция. Не исключено, что аналогичным образом происходила доместикиция птиц, в частности куриных.

⁴ В этой связи интересно отметить, что в прибрежных зонах формировался еще один вид хозяйственной деятельности, в частности сбор моллюсков или, правильнее сказать, морепродуктов, что зафиксировано наличием у нас в Восточном Причерноморье так называемых «раковинных куч», аналогичных тем, что обнаружены в Циркумбалтийском регионе Севера Европы, правда, не таких масштабов. Это говорит о том, что в схожих ландшафтных условиях складывались типологически схожие модели адаптивной стратегии жизнеобеспечения населения. Еще одним таким примером может служить и охота на морского зверя. Так, у нас в Восточном Причерноморье известна охота на дельфина. Тогда, следовательно, можно говорить о наличии элементов такого хозяйственно-культурного типа, как охотники на морского зверя субтропического пояса, правда, занимающего несравненно более скромное место по отношению к другим видам хозяйственной деятельности.

олень (*Cervus elaphus maral*); каменный козел или тур (*Capra severtzowi*); кавказская серна (*Rupicapra rupicapra*). (Куфтырева и др., 1961)⁷.

Сегодня сложно сказать, какое животное было одомашнено первым на территории Причерноморья⁸. Очевидно, аналогично одомашниванию

⁷ В данной статье автором не рассматривается проблема приручения и одомашнивания лошади (*Equus ferus caballus*), которая, как и в случае с собакой, в целом не имела утилитарный характер. Данная проблема требует отдельного специального рассмотрения, отмечу лишь, что могло иметь место проникновение коневодства в Причерноморье Абхазии из областей Приазовья еще в конце V – начале IV тыс. до н. э., либо несколько позже – с территории Ближнего Востока. Судя по литературе, известной автору, лошадь была, скорее всего, одомашнена представителями Ботайской культуры, этническим эквивалентом которой следует считать представителей праснисейской общности сино-кавказской макросемьи (Иванов, 2011). Предполагают, что в индоевропейский праязык слово «лошадь» перешло через праснисейское посредство. Возможно, что таких центров одомашнивания было несколько. Важно, что в данном контексте приоритет одомашнивания лошади не обязательно связывать с местами предполагаемых гипотетических прародин индоевропейской общности. Не следует забывать, что лошадиные достаточно широко были распространены в плейстоцене и плейстоцене Евразии. В некоторых местах Закавказья они известны и как утилитарный фаунистический компонент, например в пещерах Мгвимси, Сакажия и Зуртакетской стоянке, но почему-то дальнейшее одомашнивание лошади не получило тут распространение. Требуется проверки наличие домашней лошади, но, разумеется, не связанное с коневодством, в мезолитическом слое поселения Чох (Верещагин, 1959). К несколько позднему периоду относятся остатки домашней лошади в культурных слоях энеолита Арухло I (Шнирельман, 1989).

⁸ Собака (*Canis lupus familiaris*), которая была, несомненно, приручена в конце верхнего палеолита, нами не рассматривается лишь по той причине, что она представляет собою вспомогательное животное при собирательстве и охоте и не несет утилитарной нагрузки как ценный источник пищи. Для нас важнее животные, которые стали источником поступления стабильной пищи, и очевидно первоначально мясной, а затем несколько позже кисломолочной. На территории Абхазии и соседней Западной Грузии, как предполагают, следы одомашненной собаки встречены в мезолитических и даже в финально-верхнепалеолитических слоях ряда пещер. Так, кости домашней собаки уже встречались в отложениях Холодного Грота (Грот Хупынипшахуа) (Бендুকидзе, 2010). В связи с этим следует отметить одну закономерность и взаимосвязь между одомашниванием утилитарных и неутлитарных домашних животных. Среди них, преимущественно, превалируют утилитарные домашние животные из числа травоядных, которые были более успешно одомашнены, прежде всего, с экономической точки зрения. Понятно, что одомашнивание собаки для использования ее в качестве пищи было крайне нерентабельно, так как для откорма этого вида животного требовалось мясо (Сергин, 1971). Следует сказать еще об одном «животном-компаньоне» из семейства кошачьих, в частности обыкновенной домашней кошке (*Felis silvestris catus*), подвиде лесной кошки (*Felis silvestris*). В Восточном Причерноморье остатки кошки известны уже в мустье Ахштырской пещеры (Барышников, 2012). Встречается кошка и в верхнем палеолите пещеры Апианча (Кеп-Богат)

растений уже шел процесс постепенного отбора и видового состава животных⁹. Первоначально могла иметь место так называемая промежуточная модель одомашнивания животных, которые, не отрываясь от своей первоначальной естественной среды и своего дикого состояния, уже прочно могли находить ночлег вблизи поселений и активно использовать пищевые отходы древних жителей. Подобная переходная форма состояния могла быть хронологически растянута на 100 или даже 1000 лет. Скорее всего первым таким животным, которое шло по пути первичного приручения и последующего одомашнивания, следует считать свинью. В условиях горно-лесного зарождения скотоводства дикий кабан и может считаться таким видом. Здесь это животное находило большие экологические возможности для реализации своих пищевых стратегий, параллельно используя подкормку с поселений древних мезо- и неолитических жителей. Кабан или дикая свинья (*Sus scrofa atilla*) считается одним из широко распространенных видов животных северного полушария и типич-

(Бурчак-Абрамович, 1977). Остается открытым вопрос, происходило ли приручение кошки здесь, в Абхазии. Данные ДНК показывают, что домашняя кошка происходит от степной кошки, обитавшей в Северной Африке, и этим же можно подтвердить факт того, что в индоевропейских языках слово «кошка» перешло через праафразийское или прасемитское посредство. Древнейшие документированные остатки домашней кошки известны с острова Кипр, куда она уже в одомашненном виде попала, как считают, из Южной Анатолии, где, возможно, произошло одомашнивание кошки примерно 9500 лет назад.

⁹ В категорию домашних животных входит достаточно обширная группа, исчисляемая десятками видов, составляя при этом некоторые промежуточные группы так называемых синантропных животных, в том числе промежуточных синантропно-домашних животных, которые в большей части являются не одомашненными, а прирученными. Отдельная проблема – это хозяйственное назначение таких домашних животных, диапазон которых был и остается очень широким; к примеру, почтовые голуби, тягловые, пахотные животные. Есть группа, которая вообще сложно классифицируется, например, очевиден факт несколько условного содержания такого понятия, как, к примеру, «домашняя пчела». Еще более отдаленными аналогиями можно считать выращивание морской фауны, например в ряде стран тихоокеанского региона. Сюда же можно отнести тутового шелкопряда, который хоть и имеет хозяйственное значение, но вряд ли может быть отнесен к категории домашних животных. Еще один пример – использование пеликанов и цапель для ловли рыбы у ряда этнических групп Южного Китая. В контексте данной проблемы мы останавливаемся в принципе на незначительной группе животных, которые имеют непосредственное значение для воспроизводства постоянного источника мясной пищи и других производных, в первую очередь молока, яиц, шкур, меха, пуха и т. д., то есть сельскохозяйственных животных.

ным представителем фауны Восточного Причерноморья. Кабан занимает существенное место среди фаунистических охотничьих остатков палеолитических памятников. Причем в условиях Восточного Причерноморья он занимает одно из лидирующих мест в процентном отношении среди фаунистических остатков, представляя собою один из важнейших объектов охотничьей деятельности первобытного человека. Для данной территории начиная с мустьерской эпохи и вплоть до мезолита включительно среди фаунистических остатков характерны кости дикого кабана (*Бендукидзе*, 2011). Так, его остатки отмечены в пещерах Восточного Причерноморья и Западной Грузии, к примеру, Ахштыр, Апианча (Кеп-Богаз), Окум, гроте Хупинишахуа (Холодный грот), далее они отмечены в Цуцхвати, Цоне, Кударо, Сакажи, Джручуле, Белой, Гварджилас-Клде, Ортвала-Клде, Котиас-Клде (*Бурчак-Абрамович*, 1977; *Векуа и др.*, 1981; *Тушабрамишвили и др.*, 1990; *Бар-Оз и др.*, 2009). Вероятно, в условиях лесных экологических группировок кабаны занимали перспективную для domestikации группу животных. Видимо, domestikация кабана или дикой свиньи послужила основой для зарождения здесь древнего свиноводства, и Абхазия может считаться наряду с другими областями одной из ранних областей свиноводства на земном шаре. Вероятно, наличие среди лесных массивов разного рода подножного корма (желуди, косточки, орешки) и в целом неприхотливость в выборе пищи способствовали легкости приручения и дальнейшего одомашнивания дикой свиньи и формирования свиньи домашней (*Sus scrofa domestica*). Останки домашней свиньи у нас крайне редки. Самой ранней для Восточного Причерноморья находкой домашней свиньи является находка из Ахштырской пещеры, правда, без четкой хронологической привязки с условным обозначением «постпалеолитический этап», но, скорее всего, речь может идти о мезолитическом периоде (*Верещагин*, 1959). Следует отметить, что уже после domestikации свиньи дикая исходная форма продолжала занимать существенное место среди фаунистических остатков. Это свидетельствует о том, что и после одомашнивания свиньи оставалась объектом интенсивной охоты. Имеются такие остатки и в устье реки Ингур на поселении Анаклиа, но относящиеся к несравненно более позднему этапу – эпохе бронзы (*Там же*, 1959). Самые древние находки домашней свиньи мы находим на Ближнем Востоке, где то в промежутке от середины VI до начала V тыс. до н. э. А начало domestikации мы относим к периоду 13 000–12 700 лет

назад в бассейне реки Тигр¹⁰. Имеются останки свиньи в период 11 400 лет назад на острове Кипр. Проведенный анализ ДНК свиней в Европе также свидетельствует, что свиньи появились здесь 8000 лет назад из Передней Азии в эпоху неолита (*Шнирельман*, 1989)¹¹.

Еще одним претендентом на раннюю domestikацию, которая происходила, видимо, даже параллельно с domestikацией свиньи, следует считать козу. На Кавказе имеется ряд видов коз, которые, вероятно, могут быть связаны с исходными domestikизированными видами. Сегодня на территории Абхазии обитает так называемый каменный козел или тур (*Capra severtzowi*), который является единственным представителем коз в Абхазии. Однако здесь в палеолите и мезолите обитало несколько видов коз, таких как *Capra caucasica*, *Capra cf. Priscus*, *Capra aegagrus*.

Несомненно, большой видовой состав коз в Абхазии способствовал domestikации этого животного с учетом его особой неприхотливости. Здесь обитали и безоаровые козы (*Capra aegagrus hircus*), которые, как считают специалисты, послужили основой для domestikации козы домашней. Большинство специалистов, исходя из наличия остатков домашней козы, считают, что вероятный центр одомашнивания коз был приурочен к областям восточно-средиземноморских нагорий, включающих Малую Азию, Палестину, области Армянского нагорья и гор Загроса. В северной части Малой Азии расположен и ареал известной ангорской козы. Время начала domestikации козы относят к 9000 лет назад. Реликты безоаровых коз отдельными ареалами до сих пор сохраняются на некоторых островах Эгейского моря (*Там же*, 1989). Козы очень часто встречаются в фаунистических остатках палеолитических и мезолитических памятников. Они найдены в палеолитических отложениях пещеры Окум, в которых представлены безоаровые козы,

¹⁰ Некоторые специалисты связывают проникновение в Восточное Причерноморье свиноводства с миграцией из южных областей Анатолии и Северной Месопотамии земледельческо-скотоводческого населения, связанного с резким похолоданием и аридизацией климата на Ближнем Востоке в начале среднего голоцена (ок. 7500 лет назад). Именно благоприятные условия, сложившиеся в Причерноморье с распространением здесь широколиственных лесов, способствовали активному разведению свиней (*Трифонов*, 2009).

¹¹ Древнейшие очаги domestikации свиньи приурочивают к области верховьев Тигра, где, в частности, на таком эталонном памятнике, как Чейюно-Тепе были найдены следы одомашнивания свиньи, то есть именно в этом регионе и была одомашнена свинья примерно в период где-то середины VIII тыс. до н. э.

тот же вид отмечен и для пещеры Джручула (Векуа и др., 1981). Подавляющее количество остатков относятся к такому распространенному и в наши дни виду, как западно-кавказский тур (*Capra caucasica*). Он в большом количестве отмечен в пещерах Цуцхвати, Цона, Кударо, Сакажия, Джручула, Белая, Апианча, Окум, Гварджилас-Клде, Холодный грот (Там же). Таким образом, и наша территория, где в охотничьих остатках встречается безоаровая коза, может считаться центром domestikации и появления козы домашней (*Capra hircus hircus*), так как влажный колхидский субтропический лес – прекрасное место обитания для коз (сочная трава, молодые побеги).

Пока сложно ответить на вопрос о domestikации диких баранов. Дикие бараны (*Ovis orientalis* или *Ovis gmelin* по новой классификации) или, как их еще называют, муфлонообразные бараны, пока неизвестны на территории Абхазского Причерноморья. За исключением, правда, единственного случая обнаружения муфлонообразного барана в верхнем палеолите пещеры Окум I (Бурчак-Абрамович, 1981). Однако здесь обитали бараны, которые в голоцене мигрировали на юг в Переднюю Азию. Встречаются остатки барана, правда, в ряде палеолитических и мезолитических пещерных памятников Западного Закавказья. Обычно происхождение домашней овцы (*Ovis aries*) связано с муфлонообразными баранами, достаточно широко распространенными во всем альпийском поясе. Это предполагает, вероятно, и полицентризм, или многошаговость, сложения домашних видов. Самые ранние следы domestikации диких баранов, в частности муфлонов, отмечены в Турции и Сирии около 8000 лет назад. На территории Абхазии известны несколько ископаемых видов баранов, происходящие из палеофаунистических остатков пещер палеолита и мезолита. Так у нас встречен баран муфлон (*Ovis cf. ofion Blyth*) и архар (*Ovis cf. Ammon Blyth*) (Кушнарева, 1993). Но, еще раз повторюсь, пока мы не можем иметь доказательств наличия domestikации баранов в Абхазии.

Domestikация крупного рогатого скота, в частности, от которого ведет свой род собственно обыкновенная домашняя корова (*Bos taurus taurus*), пока для Абхазии тоже не известна. На сегодняшний день исследование происхождения и породообразования домашней коровы уже позволяет говорить о некоем полицентрическом сценарии одомашнивания этого важнейшего вида животных. Считается установленным, что domestikация коровы происходила путем одомашнивания дикого

первобытного быка *Bos primigenius*, или *Bos taurus primigenius*. Центром одомашнивания коровы являлись несколько очагов, в том числе и ближайший к Восточному Причерноморью Переднеазиатский очаг. Пока сложно сказать, осуществлялась ли domestikация коров на нашей территории. Следует отметить, что крупный рогатый скот является значительно более поздним из одомашненных животных, так как происходило преимущественно одомашнивание мелкого рогатого скота. Правда, в Абхазии имеются палеозоологические находки остатков первобытных быков вида *Bos primigenius*, однако достоверные следы его domestikации пока маловероятны для лесистых областей Абхазского Причерноморья. На территории Абхазии имеются остатки фауны, среди которых представлен дикий бык¹². Так, он отмечен в Ахштырской пещере (Барышников, 2012), а также в палеолитических слоях Апианча, Окум и Гварджилас-Клде (Бурчак-Абрамович, 1981; Векуа и др., 1981). Таким образом, не исключено, что domestikация крупного рогатого скота сопряжена с взаимодействием с южными переднеазиатскими центрами. Известно, что район, где происходила domestikация крупного рогатого скота, преимущественно был связан с северо-месопотамскими центрами, откуда возможно и происходило проникновение нового domestikата. В Восточном Причерноморье кости домашней коровы зафиксированы в районе Дарквети (Формозов, 1964). Вероятно, уже в последующие эпохи здесь стала формироваться характерная для влажных субтропиков Западного Закавказья так называемая низкорослая порода крупного рогатого скота (Лордкипанидзе, 1967). Следует отметить, что на Кавказе, да и у нас в Восточном Причерноморье, первобытный бык, скорее всего, был истреблен уже в начале голоцена (Шнирельман, 1989). Видимо то же следует сказать об ослах и некоторых других видах крупных животных.

Еще на одном важном аспекте domestikации животных следует остановиться особенно подробно. Речь идет о вероятном возникновении здесь, в Абхазском Причерноморье, птицеводства и, в частности, куроводства¹³. В наши дни известно восемь видов современных диких куриных, из которых шесть видов встречаются здесь в ископаемом

¹² На Кавказе первобытные быки известны как минимум со среднего плейстоцена, где они имели несколько подвигов.

¹³ Следует отметить сравнительно позднюю по отношению к другим животным domestikацию кур, в период примерно 3500 г. до н. э. В неолите Передней Азии автору неизвестны останки куриных, что странно, с учетом активного развития domestikации животных в этом регионе, по меньшей мере, с VIII тыс. до н. э.

состоянии и относятся к эпохам плейстоцена и голоцена. Среди них и один вымерший вид *Gallus spelaea*. Так, у нас известны кавказский тетерев (*Lyrurus mlokisewiczi* Tacz.), фазан (*Phasianus colchicus* L.), кеклик (*Alectoris kakekli* (Faik)), серая куропатка (*Perdix perdix* L.), перепел (*Coturnix coturnix* L.), горная индейка (*Tetragallus caucasicus* (Pall.)) (Куфтырева и др., 1961). Эти же виды встречаются в большом количестве на многих палеолитических памятниках Восточного Причерноморья и далее в пещерах на территории Грузии, что свидетельствует о все более возрастающей роли птицы в рационе питания. Но особый интерес представляет, конечно же, находка у нас в Восточном Причерноморье настоящей дикой курицы (*Gallus spelaea*), представляющая исключительный интерес в контексте нашей тематики¹⁴. Со всей очевидностью мы можем считать, что Абхазия является родиной зарождения птицеводства вообще и куроводства в частности. Вероятно, Абхазия была зоной, где шла domestикация дикой курицы (*Gallus spelaea*) и появление домашней курицы (*Gallus domesticus* L.), которая несколько позже фиксируется в слоях античного времени в Пицунде (Древнейшие государства..., 1985)¹⁵.

Несомненно, становление животноводства, как и земледелие в условиях Абхазского Причерноморья имело свои специфические особенности, связанные с определенными экологическими факторами. Ве-

¹⁴ Вопрос о признании возникновения у нас в Восточном Причерноморье птицеводства наталкивается на противоречие, связанное с тем фактом, что в науке преобладает в основном моноцентрический сценарий происхождения домашней курицы, которую связывают с исходной бангкокской джунглевой курицей. Более того вызывает интерес и наличие разветвленной птицеводческой лексики в исходном прасеверокавказском языке, где представлена не только домашняя курица, но и вообще хозяйственная терминология, связанная с птицеводством. Объяснить данное обстоятельство можно следующим образом: либо имел место полицентрический сценарий domestикации курицы, либо возникновение куроводства базировалось в Причерноморье и соседних районах за счет domestикации иных видов куриных. Термины, связанные с курицей и птицеводством (куроводством) вообще, затем были перенесены на обыкновенную домашнюю курицу с появлением ее здесь в раннеантичную эпоху.

¹⁵ О зарождении и развитии в Абхазии птице- и куроводства свидетельствуют, в том числе, и лингвистические данные реконструируемой культурной лексики празападнокавказского и прасеверокавказского языков. Здесь представлены не только слово курица, но и термины, связанные с птицеводством, то есть квочка, наседка. Эти факты свидетельствуют в пользу наличия развитого птице- и куроводства в период, когда празападнокавказская или даже прасеверокавказская общности находились в едином языковом состоянии минимум за нескольких столетий до их распада, хронологические рамки которого находятся на рубеже мезолита и неолита.

роятно, в процессе domestикации были сделаны попытки одомашнивания многочисленных представителей групп оленев, что весомерно подтверждается наличием целого пласта мифологических сюжетов. Например, имя героя «Джамхух – сын оленя», несомненно, восходит к доисторическому времени, когда шла попытка domestикации этой группы животных¹⁶. В отдельных случаях оно не пошло дальше попытки приручения, например, оленя, которого затем и вовсе пришлось исключить из претендентов на роль domestикатов. Вероятно, подобные попытки могли иметь место и с другими видами животных, например, зубром, первобытным быком, кавказским лосем и т. д. В отдельных случаях, с учетом лимитирующих экологических факторов, имелись положительные результаты domestикации свиней, коз, баранов и, особенно, куриных. Другие domestичированные виды проникают сюда, очевидно, несколько позже. Большинство данных недвусмысленно свидетельствуют о том, что на территории Восточного Причерноморья имелись все предпосылки для становления скотоводства, что было обусловлено наличием большинства исходных видов животных – базовых domestикатов. К сожалению, пока на территории Абхазии и прилегающих областей нет таких материалов, позволяющих проследить эволюцию одомашнивания. Лучшее представлено фаунистический материал палеолита и мезолита и, в какой-то мере, аналогичный материал для периодов поздней бронзы и античности. Основной пробел падает именно на неолит и энеолит, указывая на то, что в это время области Западного Закавказья базировались на присваивающем хозяйстве, и лишь позже произошла передача неолитических достижений из южных более передовых центров Анатолии и Передней Азии. Автор данных строк не склонен к такому утверждению. Несомненно, темпы, характер, ход и специфика зарождения скотоводства лимитировались определенными природными факторами.

По нашему мнению, учитывая состояние науки первой половины XX в., большинство хрестоматийных неолитических памятников Закавказья были изучены не на должном методическом уровне.

¹⁶ Очевидно, одомашнивание оленей, которое имело место на севере Евразии, могло происходить и в более южных областях. Видимо, по пути к domestикации животных шел процесс видовой отбора претендентов на одомашнивание, первоначального приручения животных. Их диапазон мог быть очень широк. Подобная ситуация могла сложиться и с оленями. В частности, это подтверждается известным на древнеегипетских фресках сюжетом приручения оленей. Очевидно, и на Кавказе, и Ближнем Востоке имела место такая попытка.

не и не исключено, что ряд важной информации утерян навсегда. Возможно, будущие исследования с учетом новых методов и технологий внесут свои коррективы в решение этой проблемы.

Важно это и потому, что исследование проблемы зарождения производящей скотоводческой экономики и вообще неолитической экономики, включая, разумеется, и земледелие, играет большую роль в изучении проблем этногенеза и этнической истории древних обществ Восточного Причерноморья, особенно на ранних, не освещенных письменными источниками этапах. Как известно, при изучении этногенеза большая роль отводится и проблеме определения культурного облика древних народов – предположительно предков современных абхазо-адыгских народов. Восстанавливаемый облик древнего предка или предков этих народов по данным археологии, этнографии и историко-сравнительного языкознания помогает решить проблему поиска прародин этих народов, определения исходных очагов, откуда шли последующие миграции, если таковые имели место¹⁷. Правильная оценка археологического материала и его теоретическое осмысление, несомненно, вносят большие коррективы в изучение ранних этапов этногенеза. В данном контексте автор решил показать, что все данные, связанные с зарождением земледелия и скотоводства, которые фиксируются в исходной лексике, несомненно, отражают тот факт, что облик прасевернокавказской, а позже и абхазо-адыгской общности формировался в местах своего прежнего расселения. Об этом автор неоднократно указывал и в других своих работах (Канделаки, 2010; 2011; 2013; 2014а; 2014б).

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем говорить о некоем Восточно-причерноморском сценарии перехода к производящей неолитической земледельческо-скотоводческой экономике, обусловленной доместикационным потенциалом Абхазского Причерноморья.

¹⁷ В науке нередко данные сравнительно-исторического языкознания по абхазо-адыгским и вообще прасевернокавказским общностям при определении их историко-культурного облика нередко истолковываются как важные свидетельства того, что они мигрировали из более южных областей, исходя из того факта, что портрет этих общностей не соответствует облику неолита Закавказья. Это порождает миграционные теории и гипотезы. Иногда исходную прародину находят на севере Месопотамии, либо традиционно в Анатолии, либо в областях Балкано-Карпатского региона. В какой-то степени к такому выводу приходят и на основе анализа данных металлургической терминологии, связывая, например, расцвет Балкано-Карпатских металлургических центров с приходом туда носителей прасевернокавказской семьи (Старостин, 1988; Сафронов, 1989; Канделаки, 2013).

Бар-Оз и др., 2009 – Бар-Оз Г., Бельфер-Коев А., Меишвилиани Т., Жакели Н., Мацкевич З., Бар-Йозеф О. Охота на медведя в мезолите на Южном Кавказе // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. Вып. 1 (37).

Барышников, 2012 – Барышников Г. Ф. Обзор ископаемых остатков позвоночных из плейстоценовых слоев Ахштырской пещеры (Северо-Западный Кавказ) // Труды Зоологического института РАН. СПб., 2012. Т. 316. № 2.

Бендукидзе, 2010 – Бендукидзе О. Об остатках домашних собак из археологических памятников Южной Грузии // Междунар. науч. конф. «Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержаний докладов (Тбилиси, 25–27 июня 2009 года). Тбилиси, 2010.

Бендукидзе, 2011 – Бендукидзе О. Дикий кабан и домашняя свинья, их значение и роль для человека преисторического и исторического периодов на территории Грузии // Междунар. науч. конф. «Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержаний докладов (Тбилиси – Гори – Батуми, 27–30 сентября 2010 г.). Тбилиси, 2011.

Бурчак-Абрамович, 1977 – Бурчак-Абрамович Н. И. Материалы к изучению ископаемых позвоночных из пещеры Кеп-Богаз в Абхазии // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Тбилиси, 1977. Вып. 7.

Бурчак-Абрамович, 1981 – Бурчак-Абрамович Н. И. Ископаемые позвоночные верхнепалеолитической стоянки пещеры Окуми в Южной Абхазии // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1981. Т. 9.

Векуа и др., 1981 – Векуа А. К., Габелая Ц. Д., Мухелишвили А. Т. Палеолитическая фауна позвоночных из пещер Западной Грузии // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1981. Вып. 9.

Верецагин, 1959 – Верецагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М., 1959.

Долуханов, 1978 – Долуханов П. М. География каменного века. М., 1978.

Древнейшие государства..., 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. (Археология СССР).

Иванов, 2011 – Иванов В. В. Современное состояние индоевропейской проблемы // Вестник РАН. М., 2011. Т. 81. № 1.

Канделаки, 2010 – Канделаки Д. А. Становление производящей экономики на территории Абхазии // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Междунар. конф., посв. 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) (г. Москва, 9–12 ноября 2009 г.). М., 2010.

Канделаки, 2011 – Канделаки Д. А. Ранние этапы этногенеза абхазо-адыгов и географическая среда их обитания (к постановке проблемы) // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Сухум, 2011. Вып. V–VI.

Канделаки, 2013 – Канделаки Д. А. Об этногенезе абхазов. Некоторые проблемы источниковедения и историографии // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Сухум, 2013. Вып. VIII–X.

Канделаки, 2014а – Канделаки Д. А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей земледельческой экономики // Труды Ботанического института. Сухум, 2014. Вып. III.

Канделаки, 2014б – Канделаки Д. А. Неолитическая революция: Восточно-причерноморский сценарий: Докл. на науч. конф., посв. 80-летию В. В. Бжания. Сухум, 11 марта 2014.

- Кушнарева, 1993 – Кушнарева К. Х. Южный Кавказ IX–II тыс. до н. э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993.
- Куфтырева и др., 1961 – Куфтырева Н. С., Маихия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. Сухуми, 1961.
- Лордкипанидзе, 1967 – Лордкипанидзе Г. А. Животноводство и промыслы античной Колхиды // СА. 1967. № 1.
- Любин, 1989 – Любин В. П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. (серия «Палеолит мира»).
- Любин, 1994 – Любин В. П. Адаптация человека в горах Кавказа в верхнем палеолите и мезолите // РА. 1994. № 2.
- Сафронов, 1989 – Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Сергин, 1971 – Сергин В. Я. Об одной гипотезе одомашнивания собаки // СА. 1971. № 1.
- Соловьев, 1961 – Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшаква в 1960 г. // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка и литературы им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1961. Т. XXXII.
- Старостин, 1988 – Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Трифонов, 2009 – Трифонов В. А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009.
- Тушабрамишвили и др., 1990 – Тушабрамишвили Д. М., Тушабрамишвили Н. Д., Буачидзе Ц. И., Лордкипанидзе О. Д., Твалчрелидзе М. Г. Палеолитическая стоянка Ортвала-Клде // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.
- Формозов, 1964 – Формозов А. А. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. 1964. № 3.
- Чистяков, 1986 – Чистяков Д. А. Исследование Малой Воронцовской пещеры в Сочинском Причерноморье // СА. 1986. № 3.
- Церетели, 1991 – Церетели Л. Д. К вопросу о древнейшем рыболовстве в Грузии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Шнирельман, 1989 – Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства: Проблема первичных и вторичных очагов. М., 1989.

Domestication potential of the Abkhazian Black Sea littoral and the most ancient centres of the origin of the food-producing pastoralist economy

D. A. Kandelaki

The appearance of animal breeding must be considered as an extremely important component of the origin of a food-producing economy. What is the place of Abkhazia, as well as of the entire eastern Black Sea region, in the process of domestication of animals? Undoubtedly, all the prerequisites for domestication of animals in Abkhazia were limited by the presence of the original wild animal species. Pig should be considered as the first animal which had been primarily tamed and subsequently domesticated. Pig holds an essential place among the faunistic finds from Palaeolithic sites. Thus its remains have been recorded in caves of eastern Black Sea littoral and Western Georgia, e.g. those of Akhshtyr, Apiancha (Kep-Bogaz), Okum, the Khupynipshakhua Grotto (Cold Grotto), farther on they were found in Tsutskhvat, Tsona, Kudaro, Sakazhia, Dzhruchula, Belaya, Gvardzhilas-Klde, Ortvala-Klde, Kotias-Klde. Goat must have been another pretender for an early domestication which was taking place apparently even simultaneously with the domestication of pig. Records of bezoar ibex (*Capra aegagrus*) come e.g. from Palaeolithic deposits in the Okum cave; the same species was found in the Dzhruchula cave in Georgia. Thus the

Abkhazian territory where bezoar goat (*Capra aegagrus*) is found among the hunting remains can be considered as a centre of its domestication and breeding of the domestic goat (*Capra hircus hircus*). It is so far difficult to solve the problem of the domestication of wild sheep. A single by now occurrence of mouflon-like sheep has been reported from the Upper Palaeolithic of the Okum I cave. In the territory of Abkhazia, possibly also domestication of large horned cattle (*Bos taurus taurus*) took place. There are found here fauna remains including wild bovines (*Bos primigenius*), e.g. in the Apiancha and Okum caves. Remains of wild bulls are found also in the Akhshtyr cave (Russian Federation) and Gvardzhilas-Klde (Georgia). Possibly, the Abkhazian Black Sea area was also a centre of arising aviculture, in particular, hen-keeping. In Abkhazia, eight species of Gallinae are known in a fossil state including the genuine wild hen (*Gallus spelaea*) which served as a basis for breeding the domestic hen (*Gallus domesticus* L.).

Summing up all the above, we are justified to speak about some Eastern Black Sea scenario of the transition to the Neolithic food-producing agricultural and herding economy based on the domestication potential of the Abkhazian Black Sea littoral.